

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1115–1127, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)+353

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1115-1127

Военная служба как фактор интеграции башкир и калмыков в имперское пространство в XVIII – первой половине XIX в.

Рамиль Насибуллович Рахимов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Рахимов Р. Н., 2023

Аннотация. *Введение.* Одним из феноменов Российской империи XVIII – первой половины XIX в. было присутствие в ее армии национальных войск: Башкиро-мещеряцкого, Ставропольского калмыцкого, Волжского калмыцкого, Крымско-татарского. Кроме непосредственно боевой деятельности, национальные войска интегрировали народы в имперское пространство. Одними из первых были привлечены на военную службу башкиры и калмыки. *Материалы и методы.* Статья написана на основе источников, выявленных в архивах, опубликованных в сборниках документов. Методология построена на применении историко-генетического, историко-сравнительного и структурного методов в отношении военной истории башкир и калмыков XVIII – первой половины XIX в., населявших российский фронт. *Результаты.* В башкирском обществе не сложилась институциональная элита, обладавшая монопольным правом на власть, родовые структуры были равны между собой. Калмыцкое ханство имело вертикальную структуру власти, войско и управление. Башкиры и калмыки активно привлекались к военной службе, начиная с правления Петра I. Правительство пыталось подчинить автономное ханство христианизацией (создание отдельного войска из крещеных калмыков) и контролем элит. Политический протест выразился в уходе части калмыков в Центральную Азию в 1771 г. С 1825 г. Калмыкия находилась в подчинении Министерства внутренних дел. Активная интеграция Башкирии началась с деятельности Оренбургской экспедиции, повлекшей за собой башкирское восстание 1735–1740 гг. Итогом было преобразование управления краем, смена прежних элит башкирского общества новыми и процесс замены родовой воласти территориальной. Кантонная система с 1798 г. сформировала новые, служащие элиты. Институционализация военной службы реализовалась учреждением в 1834 г. Башкиро-мещеряцкого войска, существовавшего до 1863 г. Большое значение имела символическая политика, проводимая правительством в отношении национальных элит народов, несших воинскую службу: награждение оружием, сукном, знаменами, впоследствии — орденами и медалями. Особенностью награждений было то, что правительство опасалось расширения дворянской корпорации за счет представителей нерусских народов, стремилось награждать суррогатами наград, деньгами, зауряд-чинами. *Выводы.* Башкиры и калмыки участвовали в проведении внешней поли-

тики России XVIII – первой половины XIX в., охраняли ее юго-восточную и южную границы. Военная служба ускоряла интеграцию народов в институты империи — в правовой, социальной, экономической сферах. У башкир она завершилась более успешно. Это было связано с наличием вотчинного права на землю и отсутствием в обществе иерархической вертикали. У калмыков она не реализовалась в полной мере из-за наличия вертикали власти в виде автономного ханства, вмешательства правительства во внутреннюю жизнь — создание отдельного войска из крещеных калмыков. Уход калмыков в Центральную Азию в 1771 г. и упразднение ханства замедлили интегративные процессы.

Ключевые слова: башкиры, калмыки, военная служба, иррегулярные войска, Российская империя, инкорпорация элит, интеграция

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Рахимов Р. Н. Военная служба как фактор интеграции башкир и калмыков в имперское пространство в XVIII – первой половине XIX в. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1115–1127. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1115-1127

Bashkirs and Kalmyks in Russia's Imperial Environments, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries: Military Service as Integration Factor

Ramil N. Rakhimov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Rakhimov R. N., 2023

Abstract. Introduction. In the eighteenth to mid-nineteenth centuries, Imperial Russia was characterized by one particular phenomenon — presence of ethnic troops, namely: Bashkir-Meshcheryak, Stavropol Kalmyk, Volga Kalmyk, and Crimean Tatar hosts. In addition to direct combat activities, such ethnic military units were to integrate their peoples into imperial environments. So, Bashkirs and Kalmyks had been recruited for military service among the first. *Materials and methods.* The article analyzes archival and published sources. It employs the historical genetic, historical comparative, and structural methods for due insights into the military history of frontier-based Bashkirs and Kalmyks throughout the eighteenth to the mid-nineteenth centuries. *Results.* In Bashkir society, there were no institutionalized Genghisid elites believed to have monopoly on political power, and clan structures were somewhat equal. The Kalmyk Khanate did have a vertical structure of power, army and administrative apparatus. Peter I had been the first to actively involve Bashkirs and Kalmyks in Russia's military endeavors. The imperial government had been seeking to subjugate the autonomous Khanate via Christianization (a separate host compiled from Kalmyk Christians) and control over elites. These ended in a political protest — the 1771 Exodus of Kalmyks to Dzungaria. So, since 1825, Kalmykia remained under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs. The accelerated integration of Bashkiria began with the activities of the Orenburg Expedition, which led to the Bashkir Rebellion of 1735–1740. The latter resulted in that the region was reshaped administratively, former elites of Bashkir society replaced by new ones, and tribal volosts substituted by territorial subdivisions. Since 1798, the canton system gave rise to new service elites. The institutionalization of military service was implemented via the 1834 establishment of the Bashkir-Meshcheryak Host that existed until 1863. Great importance was assigned to symbolic policies pursued by the imperial government towards ethnic elites of peoples in military service — awards in the form of weapons, cloth, banners, orders, and medals (subsequently). The peculiarity of the awards was that the government feared the nobility's expansion at the expense of non-Russian elites and would bestow some surrogate awards, money, and mediocre ranks. *Conclusions.* In the eighteenth to mid-nineteenth centuries, Bashkirs and Kalmyks proved active participants of Russia's foreign policies as guardians of its southeastern and southern borders. Military service did accelerate the integration of the peoples into imperial institutions — legal, social, economic ones. However, the process ended more successfully for Bashkirs,

which was largely facilitated by the presence of patrimonial rights to land and the absence of a hierarchical vertical structure in society. Meanwhile, the presence of a vertical power structure in the form of an autonomous domain, Russian government's intervention in the latter's internal affairs (creation of a separate host from Kalmyk Christians), the Exodus of 1771, and the subsequent abolition of the Khanate slowed down the integrative processes never to be completed in the examined period.

Keywords: Bashkirs, Kalmyks, military service, irregular troops, Russian Empire, incorporation of elites, integration

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Rakhimov R. N. Bashkirs and Kalmyks in Russia's Imperial Environments, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries: Military Service as Integration Factor. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1115–1127. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1115-1127

1. Введение

Одним из феноменов Российской империи XVIII – первой половины XIX в. было присутствие в ее армии национальных («инородческих» по терминологии того времени) войск и формирований. Корни его шли со второй половины XVI в. с Ливонской войны [Рахимов 2014: 35]. Традиция использовать в качестве конницы казаков и нерусские народы юга и юго-востока страны продолжилась в XVII в. привлечением на службу башкир, служилых татар, калмыков. С момента создания Петром I российской императорской армии национальные части вместе с казаками составляли ее иррегулярные войска.

В XVIII в. в войнах и походах в составе российской армии принимали участие башкиры, мещеряки (совр. — мишари), служилые татары, волжские калмыки (буддисты), ставропольские калмыки (крещеные). В конце века к ним присоединились крымские татары. В первой половине XIX в. в империи существовали находящиеся в той или иной стадии институализации четыре национальных войска: Башкиро-мещеряцкое, Ставропольское калмыцкое, Волжское калмыцкое, Крымско-татарское, а также различные горские части и милиции, создаваемые в ходе Кавказской войны [Рахимов 2018: 124–138].

Кроме непосредственно боевой деятельности (участие в войнах, охрана границы, обеспечение внутреннего порядка, санитарная служба), национальные войска интегрировались в имперское пространство. К ней можно отнести как владение русским языком и включение в структуры армии, так и включение в систему имперского законодательства,

чинопроизводства, образования, медицины, формирование национального дворянства. Одним из маркеров интеграции служит положение народов в империи после проведения Великих реформ, поскольку к этому времени национальные войска были упразднены, сохранился только полк крымских татар, связанный с представительскими функциями в Ливадии [Рахимов 2018: 135–136].

Крещеные калмыки вошли в Оренбургское казачье войско, волжские калмыки остались на положении сельских обывателей, но были исключены от военной обязанности. Напротив, башкиры и мишари, также ставшие свободными сельскими обывателями, будучи военнообязанными, пополняли армию, флот и гвардию наравне с великороссами.

Одними из первых были привлечены на военную службу башкиры и калмыки — номады Великой степи, количественно представлявшие большую часть национальных войск России. Предлагаемая статья анализирует интеграционные процессы, протекавшие у этих народов в то время, когда они находились в империи в военном статусе.

2. Материалы и методы

Статья написана на основе ранее неопубликованных источников, выявленных в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА), Национальном архиве Республики Башкортостан (далее — НА РБ), а также опубликованных в сборниках документов.

Методология статьи построена на применении историко-генетического метода, рассматривающего явление (в данном случае национальные войска) в его зарождении, развитии и исчезновении, историко-сравнительного метода при анализе результатов действий правительства по отношению к башкирам и калмыкам, и структурного, используемого при анализе социального устройства башкирского и калмыцкого обществ, институтов управления, создаваемых правительством.

Историю юга и юго-востока России XVI – первой половины XIX в. мы рассматриваем как российский фронт [Рахимов 2013: 103–109]. Мы согласны с определенной условностью определения «подвижной границы» как «фронта» в реалиях российской истории. В отличие от американского фронта Ф. Тёрнера он не представлял собой сплошного, фронтального наступления русской колонизации и полного вытеснения носителей других цивилизационных укладов, как это было в Северной Америке [Алексеев и др. 2004: 32].

3. Историография

Военная служба калмыков и башкир стала объектом изучения в российской историографии с начала XX в. Она была связана с участием башкир и калмыков в наполеоновских войнах [Прозрителев 1912; Чонов 1912; Юдин 1912]. В 1960-е гг. следующий юбилей Отечественной войны 1812 г. активизировал советских историков [Усманов 1964; Беликов 1965].

Тема военной службы нерусских народов юга и юго-востока России вошла в общероссийскую и складывающиеся национальные историографии [Шовунов 1990; Шовунов 1991; Шовунов 1992; Асфандияров 2005; Кузнецов 2008; Басхаев 2009; Максимов, Очиров 2012; История 2011б; Рахимов 2014; Очиров 2020а; Очиров 2020б]. Их особенностью было то, что они рассматривали военную историю башкир и калмыков в связи с историей российской императорской армии XVIII – первой половины XIX в.

Процесс интеграции калмыков в Российскую империю был рассмотрен в классической монографии К. Н. Максимова. Он отметил, что в 20-е гг. XVIII в. Калмыцкое ханство находилось в статусе администра-

тивной автономии, но постепенно в нем вводилась общероссийская система административно-территориального управления с унификацией управленческих структур, правового статуса сословий [Максимов 2002: 509]. В 30–60-е гг. XVIII в. наблюдалась реализация одной технологии власти — военной службы. Рассмотрение калмыков как подданных империи, не учитывающее их представлений, внутреннее развитие общества, привели к уходу части калмыков из России. Оставшиеся сохранились как этнос и превратились в особую административно-территориальную единицу Астраханской губернии [Максимов 2002: 238–240].

Неудачный опыт интеграционных процессов по отношению к крещеным калмыкам в XVIII – 40-х гг. XIX в. осветил С. В. Джунджузов. Он выделил военную службу как механизм интеграции калмыков в российское общество. Причиной расформирования Ставропольского калмыцкого полка и войска стали недоукомплектованность, несоответствие военной подготовки требованиям времени, отсутствие военного образования и боевого опыта у командиров [Джунджузов 2014: 197].

На институт военной службы как интегративный фактор для башкир обратил в своих работах внимание Р. Н. Рахимов [Рахимов 2007; Рахимов 2009; Рахимов 2014; Рахимов 2015]. По его мнению, в первой половине XVIII в. модернизирующееся российское государство начинает активно проводить политику реорганизации в крае, ее пиком стала деятельность Оренбургской экспедиции, приведшая к башкирским восстаниям. Лишь привлечение башкир на военную службу на пограничной линии, к участию в походах российской армии, учет местных условий позволили правительству разрешить конфликт и продолжить процесс интеграции башкир в империю. Завершила этот процесс в первой половине XIX в. кантонная система управления. Сложилась модель разрешения конфликта двух социально-политических традиций, культур, восточной и европейской, путем компромисса, связанного с сохранением некоторых привилегий для местных элит за счет их лояльности власти.

На особенности интеграционных процессов у башкир обратил внимание Б. А. Азнабаев [Азнабаев 2022]. Класси-

ческий вариант интеграции нерусских народов в России осуществлялся путем инкорпорации элиты в российское служилое сословие. У башкир такой элиты не было. Он отметил, что военная служба сплачивала башкирские роды в единую военную организацию, выступавшую консолидировано в вопросах организации охраны границы или во взаимоотношениях с Российским государством.

Процессы интеграции степных народов юга и юго-востока России изучил Д. В. Васильев. К сожалению, автор в большей степени опирался на публикации документов и прошел мимо современной региональной историографии. По его мнению, процесс существования Башкирии в составе России завершился полной административно-территориальной унификацией инокультурного народа, причем, если XVIII в. — это период адаптации региона, то преобразования XIX в. трансформировали социально-экономические условия в крае, наступило совместное существование и развитие башкирского и других народов [Васильев 2014: 453].

История пребывания калмыков в составе империи — образец трансформации автономного административно-территориального образования в унифицированную часть империи, сохранявшую местную специфику [Васильев 2014: 458]. Сравнивая период адаптации калмыков, приходящийся также на XVIII в., с адаптацией башкир, автор отметил, что он был более мягким, в то время как по отношению к последним наблюдалось жесткое давление.

В последующей работе Д. В. Васильев считает, что, начиная с периода правления Петра I, проводилась интенсивная административная ассимиляция Башкирии. Практика жесткого реформирования себя не оправдала, на смену ей пришло использование социокультурных особенностей башкир, выразившееся в создании кантонов вместо родовых объединений, привлечение башкир на военную службу, милитаризация всей системы управления [Васильев 2020: 555–556].

В отношении калмыков он выделяет административные реформы, смещавшие управление ханством от местных элит к астраханскому губернатору, что привело к уходу части калмыков в 1771 г. После это-

го власти начали привлекать местные элиты на государственную службу, включили их в дворянство. В результате к середине XIX в. калмыки были лишены автономии, что завершило интеграцию бывшего ханства [Васильев 2020: 556].

Данные процессы рассматривались и в зарубежной историографии. А. Каппелер отметил, что интеграция шла по пути подтверждения прав собственности и привилегий башкирских элит, приема их на военную службу [Каппелер 2000: 37]. По его мнению, башкиры «еще и в XVIII, и в первой половине XIX в. не были в социальном отношении интегрированы в состав российского государства», сохраняя особое положение [Каппелер 2000: 38]. В отношении калмыков автор считал, что они не были интегрированы в российское общество, в XIX в. сохраняли свой традиционный внутренний социально-политический строй и порядок [Каппелер 2000: 40].

М. Ходарковский, анализируя различные действия российского правительства в течение XVIII – первой половины XIX в. в отношении калмыков, отметил, что «интеграция в политические и экономические структуры империи практически завершилась к 1800 г., их включение в административную и юридическую системы империи продолжалось» [Ходарковский 2019: 214].

По мнению Н. Коллманн, башкиры постепенно подвергались окружению и интеграции в общеимперскую жизнь, но в XVIII в. они держались за военное дело и за свои земли [Коллманн 2023: 160]. В отношении калмыков она считает, что российское правительство жестко ответило на уход калмыков в 1771 г., упразднив ханство и подчинив под власть астраханского губернатора. Все это привело к тому, что калмыки в XIX в. сохранили кочевой образ жизни, оставаясь ясачным народом [Коллманн 2023: 161].

4. Империя и военная организация башкир и калмыков в XVIII – первой половине XIX в.

Единая политическая организация башкирских родов складывается только после добровольного вхождения башкир в состав Российского государства в середине XVI в. Ее формирование было обусловлено обязательством глав башкирских родов самостоя-

тельно, без помощи российских властей, охранять юго-восточную границу государства. В источниках упоминание этой башкирской политической структуры отмечено в рапорте начальника Царицынского корпуса войск Ф. Г. Чекина, предупреждавшего правительство в январе 1728 г.: «...что ежели так же четыре орды соединятся, а именно: башкирцы, калмыки, каракалпаки и киргиз-кайсаки, то в тамошних местах от них будет не без опасности» [Материалы 1935: 196].

В 1729 г. ротмистр уфимских дворянских рот А. Аничков в челобитной, поданной в Военную коллегию, указал: «На многих походах их отцы и родственники побиты и в полон пойманы и до ныне живут посреди Башкирской Орды... и их город стал украинной и от иных городов в дальнем расстоянии и посреди оной басурманской воровской Орды» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 201].

Башкирская орда выглядела консолидированной только в вопросах организации охраны границы или во взаимоотношениях с Российским государством, внутри же родоплеменные организации не образовывали никакой иерархической структуры. А. Каппелер отметил эту особенность: башкиры, в отличие от других кочевников, входивших в Золотую Орду, не образовали собственной политической целостной структуры [Каппелер 2000: 36]. Таким образом, верховной власти в лице хана просто не было места. Следовательно, Башкирская орда не могла существовать в качестве суверенного государства. Конфликты, неизбежно возникавшие между родоплеменными структурами из-за спорных территорий или убийств, не разрешались внутри социума мирным путем. В качестве традиционного выхода из ситуации предлагалась кровная месть или насильственный захват спорной земли.

В то же время автономный статус Башкирской орды позволял делегировать имперскому центру наиболее конфликтные вопросы управления. Глава государства, будучи равноудаленным властителем, брал на себя функцию судьи во всех земельных спорах башкир и криминальных преступлениях, являвшихся главными причинами междоусобных войн.

Исследователи, интерпретировавшие информацию башкирских шежере, не обращали внимания на то, что посланцы башкир

в XVI в. просили российские власти не просто закрепить за их родами вотчинные земли, но и требовали обмерить и размежевать их [История 2011а: 51–52].

О том, что взаимное насилие у башкир достигало эпических масштабов, свидетельствует древний земельный конфликт между родами Кипчак и Бурзян. Враждебные отношения к кипчакам Чингисхана привело к их массовой миграции на территории, заселенные предками башкир в XIII в. Многочисленные кипчаки начали вытеснять бурзян с их родовой территории. Началась война, воспетая в башкирском эпосе [Башкорт 1999: 319–344].

Однако с вхождением башкирских родов в состав Российского государства вооруженный конфликт бурзян и кипчаков был перенесен в правовое поле империи. На протяжении всего XVII – начала XVIII в. мы обнаруживаем судебные разбирательства двух сторон, длившиеся по несколько десятилетий [РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1358. Л. 1–2]. И только Генеральное межевание, начавшееся в Оренбургской губернии в начале XIX в., положило конец спору, истоки которого уходили в средневековье [РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 243]. Этот пример наиболее наглядно показывает, что башкирское общество XIII–XVII вв. складывается как полития, существующая только как часть имперской структуры.

Почему башкиры уклонились от традиционного для кочевых сообществ Северной Евразии пути создания политий по типу вожества или государства? Башкирские земли Приуралья не вошли в улусную систему, получив от империи автономный статус, гарантировавший башкирским родам владение своими землями в обмен на выплату ясака и участие башкирского ополчения в военных акциях. В результате в башкирском обществе не сложилась институциональная элита («белая кость»), обладавшая монопольным правом на власть. Поскольку в башкирском обществе не было сакрализованного лидера, родовые структуры не образовывали иерархическую вертикаль. Все родоплеменные структуры башкир, независимо от численности населения и величины территории, находились в отношении равенства друг к другу. Политические решения в башкирских родоплеменных структурах принимались не на советах

знати (курултаях), а на народных собраниях (йыйнах), полномочных объявлять войну и заключать мир.

Условия вхождения — ясак, несение воинской службы за свой счет гарантировали сохранение религии, самоуправления и, главное, вотчинного права на землю. Правительству эти условия позволяли не беспокоиться за юго-восточную границу, иметь резерв конного войска, использовать территорию Башкирии для дальнейшего продвижения на Восток. Попытки нарушения условий вхождения приводили к башкирским восстаниям, которые завершались возвращением к прежним договоренностям. В XVII в. башкиры приняли участие в составе Первого и Второго ополчения, освобождая Москву, а также в Крымских и Азовском походах 1696 г.

В конце XVI в. на территории России оказались покинувшие Центральную Азию калмыки. Первая шерть (присяга) была дана в 1607 г. в Таре. Вначале отношения строились как российское покровительство. С шертных грамот, подписанных в 1655 г. и 1657 г., калмыки становятся подданными России в составе независимого Калмыцкого ханства. Его подданство носило политический и государственный характер.

Калмыцкое ханство имело вертикальную структуру власти, деление сословий на «белую кость» и «черную кость». Элиты представляли тайши, нойоны, зайсанги, улусные, аймачные чиновники, дарханы, буддистское духовенство [Максимов 2002: 75–77]. Зависимое население относилось к «черной кости». Жизнь в ханстве определялась сводом законов — «Великим Уложением», принятым в 1640 г. Ханство имело свое войско и структуру управления.

Наиболее активное участие калмыцкое войско приняло в Северной войне. Уже в 1701–1705 гг. в боях со шведами сражались калмыки и башкиры. Однако башкирское восстание 1704–1711 гг. изменило планы правительства. Восстание К. Булавина на Дону в 1707–1708 гг. вызвало недоверие к донским казакам, а измена Мазепы в 1708 г. заставила отказаться и от малороссийских казаков. Из всех иррегулярных войск у Петра I оставалось калмыцкое. В 1706 г. в Киеве находилось 8 тыс. калмыков, направленных к А. Д. Меншикову. В 1708 г. 10 тыс. калмыков направлено против була-

винцев на Дон, столько же — против оставших башкир [Максимов 2002: 108]. В 1708 г. калмыки сражались со шведами при Лесной, в 1709 г. — под Полтавой, тогда же усмиряли кумыков, перешедших на сторону Турции. В дальнейшем они приняли участие в боевых действиях против кубанских татар, Персидском походе Петра I.

Правительство, с одной стороны, нуждалось в сильном ханстве и его войске, с другой — пыталось его подчинить. Это были меры по обращению калмыков в православие, направление к хану чиновников для контроля за его политикой. В 1718 г. построенная Царицынская линия отрезала калмыков их от северных пастбищ. Правительство начало поддерживать внутренние распри, пытаясь подчинить ханство. В 60-е гг. XVIII в. Калмыкия была включена в систему империи, подчинив калмыцкие институты власти и уравнив калмыцкие сословия по статусу с российскими. Все это привело к политическому кризису, разрешившемуся уходом большей части калмыков обратно в Центральную Азию в 1771 г., за чем последовало упразднение ханства, попытки правительства по созданию новых элит.

В начале XIX в. шел поиск путей управления Калмыкией. С одной стороны, сохранялась необходимость в воинских силах, с другой — стояла перспектива «введения калмыков постепенным образом в состав гражданского управления» [Максимов 2002: 171]. В итоге в 1825 г. были приняты «Правила для управления калмыцкого народа», подчинившие Калмыцкую область Министерству внутренних дел, но под контролем Астраханской губернии и Кавказским краем. «Положение об управлении калмыцким народом» 1835 г. сделало Калмыкию самостоятельной областью, но сохранило подчинение Министерству внутренних дел. Военный фактор интеграции оказался исчерпанным.

В целом вторая половина XVIII — начало XIX в. — пик участия калмыков в военной истории империи. Астраханские калмыки приняли участие в Семилетней войне в 1757–1758 гг., в охране южных границ в 1760-е гг., в русско-турецкой войне в 1769–1770 гг. В 1812–1814 гг. два полка астраханских калмыков сражались с армией

Наполеона. Часть калмыков, находившаяся в составе Войска Донского, воевала в казачьих полках [Максимов, Очиров 2012: 262].

Ставропольские (крещеные) калмыки участвовали в Семилетней войне в 1757–1758 гг., русско-шведской войне 1788–1790 гг., несли службу на Оренбургской пограничной линии. В 1806–1807 гг. Ставропольский калмыцкий полк находился в Прусском походе против Наполеона, впоследствии в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. [Максимов, Очиров 2012: 269–370].

Активная интеграция Башкирии началась с деятельности Оренбургской экспедиции, повлекшей за собой башкирское восстание 1735–1740 гг. Итогом были создание в 1744 г. Оренбургской губернии, преобразование управления краем, смена прежних элит башкирского общества новыми и процесс замены родовой волости территориальной, протекавший в течение второй половины XVIII в. [История 2011а: 265, 271].

С 1740-х гг. начинается активное привлечение башкир на охрану вновь построенных Оренбургской и Сибирской пограничных линий. В 1757 – 1758 гг. башкиры участвовали в Семилетней войне, в 1771 – 1773 гг. — в Польском походе, в 1788 – 1790 гг. — в русско-шведской войне, в 1790–1792 гг. несли службу на прусской границе.

В 1798 г. в крае вводится кантонная система управления — образуются 11 башкирских, 5 мишарских, 5 кантонов оренбургских казаков, 2 кантона уральских казаков, один кантон ставропольских калмыков. У башкир и мишарей формируются новые элиты — кантонные начальники, их помощники, юртовые старшины с помощниками, деревенские начальники, юртовые сотники и десятники. Для несения службы — походные старшины, начальники дистанций, походные есаулы и сотники. Появилось башкирское и мишарское дворянство. Окончательная институализация военной службы была связана с учреждением в 1834 г. Башкиро-мещеряцкого войска с командующим и его канцелярией. Несмотря на это, правительство пыталось держать курс на перевод башкир и мишарей из военного состояния в податное. Поэтому с 1840-х гг. часть башкир вместо службы платила денежный сбор [Асфандияров 2005: 65].

Попытки ускорить интеграционный процесс проявились в создании института попечителей кантонов из офицеров армии, приемом на учебу в Неплюевское военное училище в Оренбурге башкирских и мишарских мальчиков, направление юношей на обучение в Казанский университет, создание различных школ и училищ в войске. К середине XIX в. Башкиро-мещеряцкое войско стало архаичным, оно не соответствовало реалиям современной войны, одной из причин было плохое знание русского языка, слабая учебная подготовка, отсутствие подготовленных кадров. В 1863 г. «Положение о башкирах» переводило их в разряд свободных сельских обывателей. С 1865 г. управление башкирами перешло из военного в гражданское ведомство [Асфандияров 2005: 192–204].

В первой половине XIX в. Башкиро-мещеряцкое войско активно участвовало в войнах России. В Прусском походе 1806–1807 гг. — 10 тыс. человек. В 1812–1814 гг. на войну с Наполеоном было отправлено 20 башкирских и 2 мишарских полка. В русско-турецкой войне 1828–1829 гг. принимали участие 2 башкирских полка и 2 полка, смешанных с оренбургскими казаками. В войне с Польшей 1831 г. — 5 башкирских полков и 2 смешанных с оренбургскими казаками. В Крымской войне 1853–1856 гг. — 4 полка, из которых 2 полка защищали побережье Балтики. Войско охраняло Оренбургскую пограничную линию, участвовало в степных походах 1839–1840 гг., 1852 г., 1853 г. [Рахимов 2014: 405–413].

5. Варианты интеграции через религиозную политику

По отношению к вошедшим в состав государства нерусским народам, исповадовавшим иные религии, правительство пыталось проводить интеграцию через религиозную политику, делая упор на распространение православия. Попытки христианизации башкир нарушали условия вхождения башкир, что привело к башкирским восстаниям 1681–1684 гг. и 1704–1711 гг. В дальнейшем правительство не только отказалось от попыток навязывания христианства, но и развернуло конфессиональную политику. При Екатерине II в 1788 г. в Уфе было открыто «Духовное магометанского закона собрание» (Оренбургское магометанское духов-

ное собрание). В это же время башкирские и мещеряцкие полки, отправившиеся на войну со Швецией и на польскую границу, получили штатную должность полкового муллы. Это решение Военной коллегии можно считать признанием де-факто ислама в качестве государственной религии. Н. Коллманн отметила, что его создание привлекало мусульман на сторону России, правительство получило таким образом административный доступ к башкирской общине и определяло формы взаимодействия империи с мусульманами [Коллманн 2023: 159].

В отношении калмыков была в полной мере реализована практика не просто христианизации, но и переселения в 1737 г. крещеных калмыков и создания на Средней Волге Ставропольского калмыцкого войска. Однако и через сто лет православие осталось для этих калмыков чуждым, а буддизм, напротив, получил свое распространение [Джунджузов 2014: 402].

6. Символическая политика в отношении башкир и калмыков

Большое значение имела символическая политика, проводимая правительством в отношении национальных элит народов, несших воинскую службу. Как отмечал Н. И. Цимбаев, российская политика в отношении присоединяемых народов преследовала не национальную, а социальную ассимиляцию, предполагавшую сохранение местных элит, включение их в состав господствующих в России сословий, при сохранении веры, особых прав с обязанностью верно служить великому государю [Цимбаев 1993: 27].

Символическая политика империи опиралась на средневековые традиции, предполагая в качестве наград знамена, оружие, сукно, звание тарханов. В отношении калмыков она дополнительно несла государственное значение. В 1654 г. тайше Мончаку пожалована как символ государственной власти позолоченная булава, а также знамя с российским гербом и полумесяцем [Максимов 2002: 74]. Петр I в 1722 г. пожаловал хану Аюке усыпанную алмазами саблю.

Башкиры, участвовавшие в Азовском походе 1696 г., получили за отличия звания тарханов. Во время Семилетней войны башкиры, калмыки, мишари и казанские татары, вошедшие в состав «Четырехнародной ко-

манды», получили цветное сукно для обмундирования [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 429. Л. 1–1об.]. Участники подавления башкирских восстаний и восстания Е. Пугачева, а также башкиры и мишари в составе делегаций на коронации получали в качестве подарка сукно и сабли — наследие наградной традиции XVII в.

Наградная политика сменилась при Екатерине II, когда башкиры и ставропольские калмыки были награждены за участие в русско-шведской войне 1788–1790 гг. серебряной восьмиугольной медалью на Владимирской ленте, как и все российские солдаты и офицеры. Командование следило за тем, чтобы все башкиры ее получили [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 179. Л. 5–6]. Александр I продолжил курс унификации символической политики в отношении нерусских народов. За подавление волнений уральских казаков в 1805 г. 9-му башкирскому кантону было вручено императорское знамя [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 167. Л. 57–57 об.].

Башкиры, мишари, астраханские, ставропольские и донские калмыки — участники наполеоновских войн 1812–1814 гг. получили в качестве наград за свои подвиги: офицеры — ордена Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 3 ст., рядовые — Знаки отличия Военного ордена, медали ордена Св. Анны. Затем в первой половине XIX в. они награждались низшими степенями орденов Св. Анны и Св. Станислава, Знаком отличия Военного ордена. Единая наградная политика включала национальные элиты в мир российского дворянства и чиновничества. Особенностью награждений было то, что правительство, опасаясь расширения дворянской корпорации за счет представителей нерусских народов, стремилось не награждать орденами либо награждать орденами, не дающими права получения потомственного дворянства. Это были суррогаты наград в виде золотых и серебряных медалей «За усердную службу», «За усердие», «За полезное». В николаевскую эпоху наиболее массовым становится награждение деньгами, зауряд-чинами. Одним из суррогатов наград был почетный кафтан, награждение которым велось с 1852 г. Из градации всех кафтанов (простые, мастерские, почетные, нарядные) башкир награждали почетными кафтанам.

В 1816 г. Башкиро-мещеряцкое войско получило Высочайшее благоволение

«За подаренных в 1812 г. 4 139 лошадей». Введение униформы армейского образца символизировало включение иррегулярного компонента в военный социум империи. Разумеется, это было сделано вначале в отношении крещеных калмыков, в 1803 г. были введены единая униформа и вооружение в Ставропольском калмыцком войске, но уже в 1829 г. и в Башкиро-мещеряцком войске. К символической политике можно отнести строительство по инициативе В. А. Перовского здания Караван-сарая с мечетью в Оренбурге как штаб-квартиры войска и одновременно памятника победам башкир над Наполеоном [[Караван-Сарай 2022: 7](#)].

7. Заключение

Во второй половине XVI – начале XVII в. в состав России добровольно вошли башкиры и калмыки. Одной из задач, поставленных российским правительством, было несение ими воинской службы, в первую очередь по охране юго-восточной и южной границы. Активная внешняя политика России XVIII в. сохранила и приумножила войска, игравшие роль легкой кавалерии и пограничной стражи.

Российское правительство, стремившееся к унификации народов России в сословном, правовом, хозяйственном отношениях, в течение XVIII в. последовательно пыталось подчинить башкир и калмыков разными способами (отход от прежних договоренностей, христианизация, окружение территории укрепленными линиями, крепостями, подчинение местной власти) структурам империи. Все это вызывало у башкир ответные действия в виде восстаний, а у калмыков протест выразился в массовой откочевке в Центральную Азию в 1771 г.

Источники

НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.
РГАДА — Российский государственный архив

Sources

National Archive of the Republic of Bashkortostan.

Литература

Азнабаев 2022 — *Азнабаев Б. А.* Национальная политика правительства Петра I на юго-востоке России. Уфа: КнигаПринт, 2022. 318 с.

Одновременно со стремлением к унификации правительство нуждалось в военной силе. Для башкир это было несение постоянной службы на Оренбургской пограничной линии с 1740-х гг., для калмыков — участие в походах российской армии. Пиком военной службы башкир и калмыков стали наполеоновские войны, после чего калмыки перешли в ведомство Министерства внутренних дел, Ставропольское калмыцкое войско в 1842 г. было упразднено. Лишь Башкиро-мещеряцкое войско просуществовало до 1863 г., приняв участие в русско-турецкой 1828–1829 гг., польской 1831 г. и Крымской войнах, походах в степь.

Военная служба ускоряла интеграцию народов в институты империи — в правовой, социальной, экономической сферах. Важным элементом, одновременно и маркером, была символическая политика, менявшаяся в отношении кочевников степи. У башкир интеграция завершилась более успешно — империя рассматривала их как контингент армии после введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности. Решающим фактором того, что военная служба воспринималась башкирами как необходимость, было наличие родового вотчинного права на землю и отсутствие в обществе институциональной элиты, иерархической вертикали.

Для калмыцкого народа, вступившего в имперское пространство в качестве сильного автономного ханства, с вертикалью власти и структурами управления, интеграция была затруднена как раз зависимостью от сакрализованного лидера. Замедлили интеграцию навязанная христианизация и создание отдельного войска из крещеных калмыков. Уход в Центральную Азию в 1771 г. и упразднение ханства нанесли сильнейший удар по интегративным процессам.

древних актов.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Russian State Archive of Ancient Acts.

Russian State Archive of Military History.

Алексеев и др. 2004 — *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М.: Наука, 2004. 600 с.

- Асфандияров 2005 — *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа: Китап, 2005. 256 с.
- Басхаев 2009 — *Басхаев А. Н.* Военная служба калмыков в последней трети XVIII–XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. I. Элиста: Герел, 2009. С. 597–624.
- Башкорт 1999 — Башкорт халык ижады (= Башкирское народное творчество) / ред. А. Сулейманов. Т. 4. Эпос. Уфа: Китап, 1999. 400 с. (На башк. яз.)
- Беликов 1965 — *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмгосиздат, 1965. 179 с.
- Васильев 2014 — *Васильев Д. В.* Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Полит. энциклопедия, 2014. 471 с.
- Васильев 2020 — *Васильев Д. В.* Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- Джунджузов 2014 — *Джунджузов С. В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2014. 434 с.
- История 2011a — История башкирского народа: в 7 тт. Т. III / гл. ред. М. М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.
- История 2011b — История башкирского народа: в 7 тт. Т. IV / гл. ред. М. М. Кульшарипов. СПб.: Наука, 2011. 400 с.
- Каппелер 2000 — *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонной. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
- Караван-Сарай 2022 — Караван-Сарай в Оренбурге — историко-культурный памятник России / сост. Р. Н. Рахимов. Уфа: Китап, 2022. 192 с.
- Коллманн 2023 — *Коллманн Н. Ш.* Россия и ее империя. 1450–1801 / пер. с англ. В. Петрова. СПб.: Библиороссика, 2023. 783 с.
- Кузнецов 2008 — *Кузнецов В. А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск: Челябинский ЦНТИ, 2008. 478 с.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 523 с.
- Максимов, Очиров 2012 — *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 519 с.
- Материалы 1935 — Материалы по истории каракалпаков: сборник. Труды института востоковедения. Т. VIII. М.; Л.: АН СССР, 1935. 299 с.
- Очиров 2020a — *Очиров У. Б.* Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Ч. 1 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 64–97. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97
- Очиров 2020b — *Очиров У. Б.* Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Ч. 2 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 10–39. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39
- Прозрителев 1912 — *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года (Труды Астраханской ученой архивной комиссии). Вып. III. Ставрополь: Тип. губ. правления, 1912. 140 с.
- Рахимов 2007 — *Рахимов Р. Н.* Башкирия как модель интеграции номадов в империю // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. История и современность: сб. ст. / отв. ред. Г. Е. Корнилов. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 149–155.
- Рахимов 2009 — *Рахимов Р. Н.* Россия и Башкирия: Военная служба как модель интеграции // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций: сб. ст. М.: РГГУ, 2009. С. 235–245.
- Рахимов 2013 — *Рахимов Р. Н.* Оренбургская и сибирские пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10. С. 103–109.
- Рахимов 2014 — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- Рахимов 2015 — *Рахимов Р. Н.* Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII в. как фактор интеграции в империю // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3(30). С. 229–247.
- Рахимов 2018 — *Рахимов Р. Н.* Национальные формирования в Российской императорской

- армии // Русский Сборник: Россия и Война: Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга. Т. XXVI. М.: Модест Колеров, 2018. С. 122–144.
- Усманов 1964 — *Усманов А. Н.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа: Башкортостан, 1964. 136 с.
- Ходарковский 2019 — *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
- Цимбаев 1993 — *Цимбаев Н. И.* Россия и русские (Национальный вопрос в Российской империи) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 5. С. 23–32.
- Чонов 1912 — *Чонов Е. Ч.* Калмыки в русской армии XVII–XVIII вв. и 1812 г. Пятигорск: электропечатня Г. Д. Сукиасянца, 1912. 72 с.
- Шовунов 1990 — *Шовунов К. П.* Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 61 с.
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калм. ин-т общ. наук, 1992. 320 с.
- Юдин 1912 — *Юдин М. Л.* Оренбуржцы в войнах 1812–1814 годов. Ташкент: Типо-лит. штаба Туркестанского воен. округа, 1912. 61 с.

References

- Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. Asiatic Russia in Geopolitical and Civilizational Dynamics: Sixteenth to Twentieth Centuries. Moscow: Nauka, 2004. 600 p. (In Russ.)
- Asfandiyarov A. Z. Cantons in Bashkiria: 1798–1865. Ufa: Kitap, 2005. 256 p. (In Russ.)
- Aznabaev B. A. Government of Peter the Great and Its Ethnic Policy in Southeast Russia. Ufa: Kniga-Print, 2022. 318 p. (In Russ.)
- Baskaev A. N. Military service of Kalmyks in the late eighteenth and nineteenth centuries. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. Pp. 597–624. (In Russ.)
- Belikov T. I. Kalmyks in the Struggle for Independence of Our Motherland: Seventeenth to Early Nineteenth Centuries. Elista: Kalmgosizdat, 1965. 179 p. (In Russ.)
- Chonov E. Ch. Kalmyks in the Russian Army: Seventeenth–Eighteenth Centuries, and the Year 1812. Pyatigorsk: G. Sukiasyants, 1912. 72 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Kalmyks in the Middle Volga and the Southern Urals: Imperial Acculturation Mechanisms and Maintenance of Ethnic Identity, 1730s to 1920s. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2014. 434 p. (In Russ.)
- Kappeler A. The Russian Empire: A Multi-Ethnic History. S. Chervonnaya (transl.). Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 344 p. (In Russ.)
- Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. A. Tereshchenko (transl.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2019. 352 p. (In Russ.)
- Kollmann N. S. The Russian Empire: 1450–1801. V. Petrov (transl.). St. Petersburg: Bibliorossika, 2023. 783 p. (In Russ.)
- Kulsharipov M. M. (ed.) History of the Bashkir People. In 7 vols. Vol. 3. Ufa: Gilem, 2011. 476 p. (In Russ.)
- Kulsharipov M. M. (ed.) History of the Bashkir People. In 7 vols. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka, 2011. 400 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. Irregular Troops of Orenburg Governorate. Samara, Chelyabinsk: Chelyabinsk Center for Scientific and Technical Information, 2008. 478 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 523 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirov U. B. Kalmyks in the Napoleonic Wars. Elista: Dzhangar, 2012. 519 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Turko-Mongolic cavalries in the military service of Russia: 18th – early 19th centuries. Part 1. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 64–97. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97
- Ochirov U. B. Turko-Mongolic cavalries in the military service of Russia: 18th – early 19th centuries. Part 2. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 10–39. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39
- Prozritelev G. N. The Military Past of Our Kalmyks: Stavropol Kalmyk Regiment and Astrakhan [Kalmyk] Regiments in the Patriotic War of 1812 (Proceedings of Astrakhan Archival Research Commission 3). Stavropol: Stavropol Governorate Press, 1912. 140 p. (In Russ.)

- Rakhimov R. N. (comp.) *The Caravanserai of Orenburg: A Russian Monument of History and Culture*. Ufa: Kitap, 2022. 192 p. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Bashkiria as a model for the imperial integration of nomads. In: Kornilov G. E. (ed.) *Agrarian Development and Food Policy of Russia in the Eighteenth to Twentieth Centuries: Sources and Historiography in the Past and in the Present*. Collected papers. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2007. Pp. 149–155. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Ethnic units in the army of Imperial Russia. In: *Russia and War. Essays in Honor of the 75th Birthday of Bruce W. Menning* (Russian Collection 26). Moscow: Modest Kolerov, 2018. Pp. 122–144. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. In the Service of the “White Tsar”: Military Service of Southeast Russia’s Non-Russians in the Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries. Moscow: RISI, 2014. 544 p. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Military service of non-Russian peoples of South-Eastern Russia in the 18th century as a factor of integration into empire. *National Strategy Issues*. 2015. No. 3(30). Pp. 229–247. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Orenburg and Siberian boundary lines in 18th – first half 19th centuries as south-eastern and eastern frontiers of Russia. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2013. No. 10. Pp. 103–109. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Russia and Bashkiria: Military service as an integration model. In: Basovskaya N. I. et al. (eds.) *Conflicts and Compromises in the History of World Civilizations*. Collected papers. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2009. Pp. 235–245. (In Russ.)
- Samoylovich A. N. (ed.) *Materials in Karakalpak History* (Proceedings of the Institute of Oriental Studies 7). Collected papers. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 299 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. *Essays in Kalmyk Military History: Seventeenth to Nineteenth Centuries*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 189 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. *Kalmyks in Cossack Hosts of Russia: Mid-Seventeenth to Nineteenth Centuries*. Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. *To the Glory of Motherland*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 61 p. (In Russ.)
- Suleymanov A. (ed.) *Bashkir Folklore. Vol. 4: Epic*. Ufa: Kitap, 1999. 400 p. (In Bash.)
- Tsimbaev N. I. Russia and Russians: National question in the Russian Empire. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 1993. No. 5. Pp. 23–32. (In Russ.)
- Usmanov A. N. *Bashkirs in the Patriotic War of 1812*. Ufa: Bashkortostan, 1964. 136 p. (In Russ.)
- Vasilyev D. V. *Russia and Kazakh Steppe: Administrative Policy and Provincial Status, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries*. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014. 471 p. (In Russ.)
- Vasiliev D. V. *The Birth of an Empire. South-East Russia: XVIII – first half of the XIX century*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2020. 608 p. (In Russ.)
- Yudin M. L. *Natives of Orenburg Governorate in the Wars of 1812–1814*. Tashkent: Turkestan Military District, 1912. 61 p. (In Russ.)
- Yudin M. L. *Orenburg residents in the wars of 1812–1814*. Tashkent: Tipo-lit. headquarters of the Turkestan military. Okrug, 1912. 61 p. (In Russ.)

